

Шарль Бодлер

Цветы зла

*Непогрешимому поэту
всесильному чародею французской
литературы, моему дорогому и
уважаемому учителю и другу
ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ как
выражение полного преклонения
посвящаю ЭТИ БОЛЕЗНЕННЫЕ
ЦВЕТЫ*

Ш. Б.

Вступление

Нам разрушая плоть, рассудок наш терзают
Безумие, и страх, и скаредность, и вздор.
Собою совести любезный нам укор
Питаем так же мы, как нищий вшей питает.

В грехах – упорны мы, в раскаяньи –
трусливы;
За все дела себе мы щедро воздаем;
Мы омерзительным путем, смеясь, идем,
Мечтая пятна смыть своей слезой гадливой.

На изголовьи Зла наш разум усыпляет
Сам Дьявол-Трисмегист; им ум обворожен;
И дорогой металл душевной воли он,
Алхимик и мудрец, до дна в нас испаряет.

И в отвратительном находим мы отраду;
Сам Дьявол держит нас в волнующих сетях,
И сквозь зловонный мрак, позабывая страх,
Мы с каждым днем на шаг подходим ближе
к аду.

Как мучимую грудь блудницы очень
дряхлой
Целует и сосет развратник и бедняк,
Восторги тайные, спеша, ворует так
И выживаем их, как померанец чахлый.

Как легион червей, в мозгу у нас толпою
Пируют демоны и топчутся гурьбой.
Лишь стоит нам вздохнуть, – Смерть с
жалобой

глухой
Нисходит в легкие незримою струею.

Коль яд, насилие, кинжал и даже пламя
Еще не вышили рисунок свой смешной
На жалком жребии, как на канве простой, —
Лишь потому, что мы не с храбрыми
сердцами!

Среди шакалов, змей и гадов безобразных,
Средь коршунов, пантер, и обезьян, и псов,
Средь чудищ, где и визг, и вой, и шип, и
рев,
В зверинце низменном пороков наших
разных, —

Одно всего подлей и гаже несравненно;
В нем жестов грозных нет и воскриков нет в
нем.

Оно проглотит шар земной одним глотком
И землю превратит в развалины мгновенно,
—

То – Скука! Полня глаз невольною слезою,
Она «хука» дымит, взмечтав про эшафот.
Тебе знаком ли тот изнеженный урод, —
Ханжа-читатель мой, мой брат, двойник со
мною?!

Хандра и идеал

Благословение

В тот самый час, когда, по воле высшей
силы,
Поэт был матерью на скучный свет рожден,
Испуганная мать хулу заголосила,

Вздвк к Богу кулаки, – и жалобам внял он.

– «О, лучше бы узлом ехидн мне оцниться,
Чем молоком своим посмешище питать!

Я проклиная ночь, где страсть недолго
длится,

Когда во чреве я могла позор зачать!

И хоть тебе избрать меж женщин было надо
Меня, чтоб стала я для мужа невтерпеж,
Хоть, как письмо любви, уродливого гада
Отныне в пламени, конечно, не сожжешь, —

Но ненависть твою, что бременем я чую,
Я вымещу на нем, твоим орудьи злоб,
И это деревцо несчастное скручу я,
Чтоб почек выпустить зловонных не могло

б!»

Не в силах уяснить извечный план
вселенной

И брызжа пеною и желчью пополам,
Она готовила себе среди Геенны
Костер, назначенный преступным матерям.

Но, охраняемый в невидимой опеке,
Ребенок-сирота луч солнышка впивал;
Во всем, что только пил, во всем, что кушал,

—

некий

Он нектар розовый с амброзией вкушал.

Беседу с тучкой вел он, с ветерком играя,
И, напевая, шел, и крест тяжелый нес,
И Ангел, шедший вслед, поэта наблюдая,
Что веселей был птиц, сдержать не в силах
слез.

Всех возлюбив, поэт встречал лишь
подозренья;

От кротости его смелея с каждым днем,
Все слушали: кому свои возносит пени,
Жестокость испытать хотели все на нем.

В его вино и хлеб подмешивали скверны,
И пепел сыпали порой в его обед,
И всё, что трогал он, швыряли лицемерно,
Не ставили свой шаг в оставленный им след.

Его жена твердит на площадях публичных:
– «О! Так как хочет он меня боготворить,
Занятыя воскрешу я идолов античных
И, как они, хочу позолоченной быть!»

Пресыщусь нардами и мирру воскурю я,
Найду забвение и в пище, и в вине!
Из сердца, что в меня так влюблено, смогу я
Исторгнуть почести божественные мне!

Когда же от забав кощунственных устану,

Всю силу слабых рук я возложу на нем,
До сердца милому проборожу я рану
На когти гарпии похожим коготком.

Я сердце красное из тела мужа выну,
Как из гнезда птенца, что бьется и дрожит,
И на землю моей любимой кошке кину
С презрением, чтобы был зверек любимый
сыт».

Презрев на небесах великолепье трона,
Благочестиво длань Поэт вверх воздымал,
И, источая блеск, рассудок просветленный
Народы злобные от взора сокрывал.

«Благословен Господь, дарующий
страданье,
Лекарство чудное от наших нечистот!
Готовя силы нам для светлого желанья,
Как масло лучшее оно на душу льет.

И твердо знаю я, что место для поэта
Ты средь Архангелов счастливых сохранил
И призовешь меня, Господь, на место это
В день вечный праздника Властей,
Престолов,

Сил.

Я знаю: только скорбь дает нам сан
нетленный,

Не опороченный ни адом, ни землей.
Я подать всех веков и дань со всей
вселенной
В венец таинственный вплести обязан свой.

Пальмиры древностной забытые каменья,
Металлы тайные и перлы всех морей,
Что ты, Господь, извлек, – они ничто в
сравненьи
С той ослепительной короною моей.

Корона спаяна лучом первоначальным
Святого очага, – и с блеском тех огней
В сравненьи кажется подобием печальным
И тусклым зеркалом огонь людских очей!»

Альбатрос

Для развлечения порой толпе матросов
Случается морских огромных птиц словить,
Дорожных спутников, ленивых альбатросов,
За судном любящих по горьким безднам
Плыть.

Воздушный царь! Едва на палубные доски
Он брошен, как тотчас становится смешон;
Большие два крыла белеющие – плоско,
Как весла по бокам, влачит неловко он.

Крылатый путник! Стал ты дряблый и
неловкий!

Прекраснейший пловец! О, как уродлив ты!
Один матрос сует в клюв трубку для
издевки,
Другой – передразнил походку хромоты.

Поэты! Схожи вы с заоблачным владыкой,
Кому смешна стрела, кто близок был
ветрам!

Вы также изгнаны на землю, где средь гика
Крыло гигантское ходить мешает вам!

Возношение

Чрез озера и горы, долины и шхеры,
Чрез леса, облака и над далью морской,
Выше к солнцу и выше, чем воздуха слой,
За пределы усеянной звездами сферы, —

Ты, мой разум поэта, проворно летишь,
Как отличный пловец, издеваясь над бурей,
В сладострастии невыразимом, в лазури
Ты безмерность пространства, смеясь,
бороздишь.

От заразных миазмов стремись далеко ты,

Чтоб очиститься, в высший простор ты
взлети,
Как божественно чистый напиток, глотай
Светозарный огонь, что наполнил пустоты.

Позабыв про врагов и что над бытием
Нашим тяжко довлеют печали пустые,
Счастлив тот, кто сумеет в пространства
иные
Вознести себя кверху могучим крылом!

Тот, чьи мысли, подобные ласточке скорой,
В поднебесье стремят свой свободный
полет,
Тот, над жизнью вспарив, без усилий
поймет
И вещей немоту, и цветов разговоры.

Соответствия

Природа – это храм; колонн оживших ряд
Невнятные слова порою испускает.
Сквозь чашу символов в храм люди
проникают,
За ними символов следит привычный
взгляд.

Как эха дальнего сливаются раскаты

В один глубокий гул и мрачный, и глухой,
Обширный, словно ночь иль яркий свет
дневной, —
Так соответствуют звук, цвет и ароматы.

Есть запахи свежей, чем тело у ребят,
И зеленой лугов, гобоя звуков резче;
— В других есть торжество, богатство, и
разврат,

И откровение незавершенной вещи;
Так амбра с мускусом, бензой и фимиам
Вещают про восторг ума и чувства нам.

«О тех нагих веках люблю воспоминанья...»

О тех нагих веках люблю воспоминанья,
Когда Феб золотил охотно изваянья;
Мужчина с женщиной, проворны и легки,
Вкушали сладко жизнь без лжи и без тоски.
Влюбленно небеса людей ласкали спины,
Здоровье множили высокой их машины;
Сибелла, щедрая в дарах любви своей,
Тогда не числила обузой сыновей;
И, нежностью ко всем исполнена, волчица
Сосцами смуглыми давала всем кормиться.
Мужчина стройный мог, в могуществе